

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
ДОНАТО
КАРРИЗИ

Потерянные девушки Рима

Охотник за тенью

Маэстро теней

Подсказчик

Теория зла

Девушка в тумане

Женщина с бумажными цветами

Донатто
КАРРИЗИ

ОХОТНИК
ЗА ТЕНЬЮ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Ибо Иисус повелел нечистому духу выйти из сего человека, потому что он долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыни. Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, — потому что много бесов вошло в него.

Евангелие от Луки, 8: 29–30

Мы для богов — что мухи для мальчишек:
Им наша смерть — забава.

Шекспир. Король Лир
Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник

ПРОЛОГ

Охотник во мраке

Мы приходим в мир и умираем в беспмятстве.

То же случилось и с ним. Он родился во второй раз, но сначала должен был умереть. И заплатил за это свою цену: забыл, кто он такой.

«Я не существую», — твердил он снова и снова, ибо то была единственная доступная ему истина.

Пуля, пронзившая ему висок, унесла с собой его прошлое, а вместе с тем его личность. Но не затронула общую память и речевые центры: странное дело, но он говорил на многих языках.

Эти редкие лингвистические способности — единственное, что было в нем определенного.

Лежа в Праге на больничной койке, он ждал, когда поймет наконец, кто он такой, и вот однажды проснулся ночью и увидел у своего изголовья мужчину, кроткого на вид, с черными волосами, причесанными на косою пробор, с мальчишеским выражением лица.

— Я знаю, кто ты.

Эти слова должны были принести облегчение, но оказались лишь прелюдией к очередной тайне, ибо человек в темной одежде тотчас же положил перед ним два запечатанных конверта.

В одном, объяснил он, находится чек на предъявителя на двадцать тысяч евро и паспорт на вымышленное имя, куда остается только вклеить фотографию.

Во втором — истина.

Посетитель сказал, что он сам должен решить, но торопиться не нужно, времени предостаточно. Ведь узнать о себе все не всегда благо, так что ему предоставляется вторая возможность.

— Подумай хорошенько, — посоветовал он. — Знаешь, сколько людей хотели бы оказаться на твоём месте? Сколько людей мечтают, чтобы амнезия навсегда стерла из памяти все ошибки и падения, всю боль прошлого и можно было бы начать сначала, с чистого листа? Если ты выберешь этот путь, послушайся меня и выбрось второй конверт, даже не открывая.

Чтобы облегчить ему решение, гость рассказал, что там, снаружи, никто не ищет его и не ждет. Нет у него ни привязанностей, ни семьи.

И посетитель удалился, унося с собой свои тайны.

А он все смотрел на конверты, смотрел до рассвета и в последующие дни. Что-то подсказывало ему: тот человек знал, что он в итоге выберет.

Проблема была в том, что он сам этого не знал.

То странное ночное предложение подразумевало, что содержимое второго конверта ему вряд ли понравится. «Я не знаю, кто я такой», — твердил он себе, но вскоре понял, что какую-то часть своей личности в состоянии постигнуть: прожить остаток жизни в сомнениях ему не под силу.

Поэтому в вечер перед выпиской из больницы он выбросил конверт с чеком и паспортом на вымышленное имя — чтобы не передумать. Потом вскрыл тот, где таилась разгадка.

В конверте лежал билет на поезд до Рима, немного денег и адрес церкви.

Сан-Луджи деи Франчези.

Целый день он искал эту церковь. Отыскав, уселся на скамью в глубине центрального нефа и несколько часов любовался шедевром архитектуры, совершенным слиянием ренессанса и барокко. Туристы, тол-

пившиеся у алтаря, не обращали на него внимания. Его самого ошеломила такая красота. Среди образов, какими питалась его девственная память, ничего подобного, скорее всего, не было: творения, окружавшие его сейчас, вряд ли можно было с легкостью забыть.

И он пока не знал, какое отношение имеет к нему все это.

Когда поздним вечером посетители потянулись прочь из церкви, подгоняемые близящейся грозой, он спрятался в одной из исповедален. Просто не знал, куда ему еще идти.

Массивные двери заперли, свет выключили, только свечи мерцали в темноте. Снаружи полил дождь. От раскатов грома вздрагивало пламя свечей.

И тогда раздался голос, гулко прозвучавший в пустом здании:

— Маркус, иди посмотри.

Значит, вот как его зовут. Он услышал свое имя, но это не произвело ожидаемого эффекта. Просто набор звуков, ни о чем не говорящий.

Маркус выбрался из укрытия и пошел искать человека, которого видел один-единственный раз, в Праге. Нашел его за колонной: он стоял перед одним из боковых приделов. Стоял спиной к проходу, не двигаясь с места.

— Кто я?

Человек не ответил. По-прежнему смотрел прямо перед собой: на стене маленькой капеллы висели три картины крупного формата.

— Караваджо создал эти полотна между 1599 и 1602 годом. «Призвание», «Вдохновение» и «Мученичество святого Матфея». Мое любимое — последнее. — Он указал на картину, висевшую справа. Потом обернулся к Маркусу. — Согласно христианским преданиям, святой Матфей, апостол и евангелист, был убит.

Святой на картине сбит с ног, и его убийца занес меч, готовясь нанести смертельный удар. Свидетели в ужасе разбегаются, предвидя то, что должно случиться, давая свершиться злу, которое вот-вот восторжествует. Матфей, вместо того чтобы покориться судьбе, протягивает руку, словно пытаюсь остановить острие, избежать мученичества, которое сделает его святым, подарит вечное блаженство.

— Караваджо вел рассеянную жизнь, посещал самые злачные места Рима, и на тот или иной сюжетный ход в картине его частенько наталкивало то, что он видел на улице. В данном случае — насилие. Поэтому попробуй представить себе, что в этой сцене нет ничего святого или душеспасительного, что в ней участвуют обычные люди... Что ты видишь?

Маркус задумался на мгновение:

— Убийство.

Собеседник медленно кивнул и прибавил:

— Кто-то выстрелил тебе в голову в том гостиничном номере в Праге.

Дождь зашумел сильнее, гулким эхом отдаваясь в церкви. Маркус подумал, что ему неспроста показали картину. Ему предлагалось задаться вопросом: кем он сам мог быть в этой сцене? Жертвой или палачом?

— Другие, глядя на эту картину, видят спасение, а я различаю только зло, — признался Маркус. — Почему?

Молния сверкнула за окнами, высветив витражи. Человек улыбнулся:

— Меня зовут Клементе. Мы с тобой священники. Это открытие Маркуса глубоко потрясло.

— Часть тебя, которую ты забыл, различает признаки зла. Аномалии.

Маркус не мог поверить, что обладает таким талантом.

Тут Клементе положил ему руку на плечо:

— Есть место, в котором мир света встречается с миром сумерек. Там-то и происходит главное: в краю теней, где все разрежено, смутно, нечетко. Ты был стражем, призванным охранять эту границу. Ибо время от времени что-то прорывается в наш мир. Твоей задачей было изловить это и отправить обратно во мрак.

Последнюю фразу священника заглушил раскат грома.

— Много лет назад ты произнес клятву: никто не должен знать о твоём существовании. Никто и никогда. Только в миг между тем, как сверкнет молния, и тем, как ударит гром, ты можешь назвать себя.

В миг между молнией и громом...

— Так кто же я? — Маркус силился понять.

— Последний представитель священного ордена. Пенитенциарий. Ты забыл о мире, однако и мир забыл обо всех вас. Но когда-то люди называли вас охотниками во мраке.

Ватикан — самое маленькое суверенное государство в мире.

Оно занимает не больше половины квадратного километра в центре Рима, за базиликой Святого Петра. Его пределы ограждены крепкими стенами.

Некогда весь Вечный Город принадлежал папе. Но когда в 1870 году Рим был присоединен к ново-созданному королевству Италии, понтифик укрылся внутри этого крохотного анклава и оттуда осуществляет свою власть.

Как независимое государство, Ватикан имеет территорию, население и правительственные структуры. Его граждане разделяются на лиц духовных и светских, в зависимости от того, приняли они обеты или же нет. Некоторые живут внутри стен, иные — за их пределами, на итальянской территории, и каждый день мотаются к месту работы, в одно из множества управлений и ведомств, проходя в какие-то из пяти врат, через которые только и можно проникнуть в Ватикан.

За стенами имеется вся инфраструктура и службы. Супермаркет, почтовое отделение, небольшая больница, аптека, судебная палата, действующая на основе канонического права, и маленькая электростанция. А еще — посадочная площадка для вертолетов и даже железнодорожная станция, правда исключительно для передвижений понтифика.

Государственный язык — латынь.

Кроме базилики, папской резиденции и правительственных зданий, на территории этого маленького города расположены обширнейшие сады и музеи Ватикана; последние ежедневно посещают тысячи туристов со всего мира, которые напоследок восхищаются, задрвав носы, великолепным потолком Сикстинской капеллы и фреской Микеланджело «Страшный суд».

Там и случилось чрезвычайное происшествие.

Около четырех, за два часа до официального закрытия музеев, охрана принялась вежливо выпроваживать посетителей, не предлагая никаких объяснений. В то же самое время на остальной территории маленького государства светскому персоналу было предложено удалиться в свои жилища, внутри стен или за их пределами. Те, кто жил внутри, должны были оставаться у себя вплоть до дальнейших распоряжений. Приказ касался и духовных лиц, которым было велено вернуться в квартиры или удалиться в кельи ватиканских монастырей.

Швейцарская гвардия, корпус папских наемников, которых с 1506 года набирают исключительно в католических кантонах Швейцарии, получила приказ закрыть все входы в город, начиная с ворот Святой Анны. Городской телефон отключили, сотовую связь заблокировали.

К шести часам этого холодного зимнего дня крепость оказалась совершенно отрезана от мира. Никто не мог ни войти, ни выйти, ни связаться с кем-либо.

Кроме двоих человек, которые прошли по двору Святого Дамасо и Лоджиям Рафаэля.

На всей обширной территории садов была прекращена подача электричества. Шаги их гулко отдавались в абсолютной тишине.

— Быстрее, у нас только полчаса, — поторопил Клементе.

Маркус понимал, что полная изоляция долго не продлится, рано или поздно у кого-то снаружи возникнут подозрения. Друг сообщил ему, что для средств массовой информации наскоро приготовили версию: карантин якобы введен ради проверки нового плана эвакуации в случае угрозы.

Однако настоящую причину следовало держать в строгом секрете.

Оба священника, зайдя в сады, включили фонарики. Сады эти занимают двадцать три гектара, половину всей территории Ватикана. Есть там сад итальянский, английский и французский; там собраны образцы флоры со всего света. Сады эти — гордость понтификов. Многие папы прогуливались, размышляли, молились среди цветущих растений.

Маркус и Клементе прошли по аллеям, обсаженным кустами букса, которым садовники придали форму, не уступающую мраморным скульптурам. Скользнули в тень высоких пальм и ливанских кедров, под плеск сотен фонтанов, украшающих парк. Попали в розарий, устроенный Иоанном XXIII, где весной расцветали розы, носящие теперь имя святого понтифика.

Из-за высоких стен с римских улиц с их хаотическим движением доносился беспорядочный гвалт. Но там, где они очутились, царила абсолютная тишина и ничто не нарушало покой.

Но мира здесь все-таки нет, подумал Маркус. Больше нет. Мир нарушен тем, что случилось сегодня днем, когда обнаружили произошедшее.

Там, куда направились пенитенциарии, природу, в отличие от других садов, никто не приручал. В самом центре зеленых легких столицы располагалась зона, где деревья и кусты могут произрастать свободно. Лес площадью в два гектара.

Единственное, что там делали, — это периодически подбирали валежник. Чем, собственно, и занимался садовник, забивший тревогу.

Маркус и Клементе поднялись на холм. С его вершины посветили фонариками вниз, на полянку, в центре которой представители корпуса жандармерии¹ желтой лентой огородили небольшой участок. Агенты уже исследовали место происшествия, собрали все вещдоки, а потом получили приказ удалиться.

Чтобы смогли прийти мы, сказал себе Маркус. Подошел к натянутой ленте, посветил фонариком и увидел.

Человеческий торс.

Обнаженный. Ему тут же пришел на память Бельведерский торс, изувеченная статуя Геркулеса, которой вдохновлялся Микеланджело, выставленная как раз в музеях Ватикана. Но не было ничего, напоминающего о высоком искусстве, в останках женщины, с которой так зверски расправились.

Кто-то отрубил ей голову, ноги и руки. Части тела были разбросаны на расстоянии нескольких метров, вместе с лоскутами темной одежды.

— Известно, кто она такая?

— Монахиня, — ответил Клементе. — Здесь есть небольшая обитель, очень строгих правил, сразу за лесом. — Он показал рукой вперед. — Имя женщины держат в тайне, это одно из правил ордена, в который она вступила. Но не думаю, чтобы в этом случае имя нам чем-то помогло.

Маркус нагнулся, чтобы лучше рассмотреть. Белая кожа, маленькие груди, пах, бесстыдно выставленный напоказ. Белокурые волосы, очень коротко

¹ Корпус жандармерии Ватикана отвечает за безопасность, общественный порядок, пограничный контроль, контроль дорожного движения, уголовный розыск и выполняет другие общие полицейские обязанности в Ватикане.

остриженные, обычно покрытые платом, виднелись теперь на отрубленной голове. Голубые глаза воздеты к небу, словно в молитве. «Кто ты?» — взглядом вопроса ее пенитенциарий. Ведь есть судьба хуже смерти: умереть безымянной. «Кто это сделал с тобой?»

— Время от времени сестры гуляли в лесу, — продолжал Клементе. — Сюда почти никто не заходит, никто не мешает им молиться.

Жертва избрала затворничество, подумал Маркус. Приняла постриг, чтобы вместе с сестрами жить вдали от человечества. Никто не должен был больше увидеть ее лицо. Но вместо этого ее тело послужило непристойной демонстрацией чьей-то злобы.

— Выбор этих сестер понять нелегко, многие считают, что лучше творить добро среди людей, чем затворяться в стенах монастыря, — рассуждал Клементе, будто читая мысли товарища. — Но моя бабушка всегда говорила: «Ты не представляешь, сколько раз эти сестры спасали мир своими молитвами».

Маркус не знал, во что ему верить. Насколько он понимал, перед лицом такой смерти мир вряд ли что-то могло спасти.

— За многие века здесь не случалось ничего подобного, — прибавил друг. — Мы к этому совсем не подготовлены. Жандармерия проведет внутреннее расследование, но она не располагает необходимыми техническими средствами. Нет ни судмедэксперта, ни криминалистов. Не будет ни вскрытия, ни проверки отпечатков пальцев, ни анализа ДНК.

Маркус повернулся к нему:

— Тогда почему не попросить помощи у итальянских властей?

В соответствии с договорами, заключенными между двумя государствами, Ватикан мог в случае необходимости прибегнуть к помощи итальянской полиции. Но помощь эта требовалась только для того, чтобы следить за толпами паломников, навод-